

12+

ЛЮДМИЛА БАНЦЕРОВА

БОЖЬИ ОТТИСКИ

Людмила Банцерава

**Божьи оттиски.
Книга стихотворений**

«Издательские решения»

Банцерава Л.

Божьи оттиски. Книга стихотворений / Л. Банцерава —
«Издательские решения»,

Людмила Банцерава — яркий представитель современной русской поэзии. В её стихах эмоции переплетаются с философскими поисками, а образы строятся на метафорах и символах. В книге «Божьи оттиски» автор ведёт с читателем разговор о вечных вопросах — о судьбе, смысле жизни и тайне мироздания. Её поэзия — зеркало, в котором можно увидеть отблески собственного жизненного пути. Книга создана в самобытной стилистике, с узнаваемым авторским почерком.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ОТТИСКИ ЛЮБВИ И ВЕРЫ	8
О книге Людмилы Банцеровой «Божьи оттиски»	8
ПАМЯТИ СЕСТРЫ ЕЛЕНА	14
1	14
2	15
3	16
4	17
5	18
6	19
7	20
8	21
9	22
«Вот будет тоска повсюду ...»	24
ДИПТИХ. ПАМЯТИ МАМЫ	25
1	25
2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Божьи оттиски Книга стихотворений

Людмила Банцера

Главный редактор Елена Николаевна Крюкова

Художник-иллюстратор Людмила Васильевна Банцера

Дизайнер обложки Людмила Васильевна Банцера

Предисловие Елена Николаевна Крюкова

Отклик Владимир Удовыдченко

Отклик Галина Волкова

Отклик Валерий Петрович Мухин

© Людмила Банцера, 2026

© Людмила Васильевна Банцера, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-9785-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Светлой памяти моей старшей, любимой сестры — педагога, друга —
Елены Васильевны Банцеровой,
внезапно ушедшей 6 ноября 2025 года...
Без тебя не было бы ни меня, ни этих стихов...
Помню...
Люблю...*

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТТИСКИ ЛЮБВИ И ВЕРЫ

О книге Людмилы Банцоровой «Божьи оттиски»

Существование поэта необъяснимо, хоть его феноменологию пытались растолковать тысячелетия подряд; стихотворение как концентрация чувства или нескольких, порою страстно противоборствующих чувств; стихотворение как культурный код; стихотворение как формула бытия; стихотворение как уникальный духовный процесс, воссоздающий, только в малых масштабах, дни творения = сотворения Мира.

Перед нами новая книга Людмилы Банцоровой. Её название мифологично, архетипично: «Божьи оттиски». Да, поэт — всего лишь инструмент в руках Бога; он есть печатный, офортный станок, талер, на который кладётся графический лист; он пресс, что крепко, тяжело прижимает к бумаге единственное изображение; он — краска, и чёрная, ночная, и соцветие радуги, и прозрачная бездна зимних белил.

И Бог, в виде незримого великого молчаливого Художника, посредством поэтовой работы являет Мíру Себя Самого. Можно соглашаться или не соглашаться с поэтом, можно любить его или не любить, более того — отвергать, ещё более того — смеяться над ним; и такое чужое деяние в результате украшает поэта, становясь благодеянием, ибо во многих страданиях, претерпеваемых нами извне, таятся многие радости, что потом, позже, посещают наш внутренний Мíръ. А ведь поэзия — явление Мíра Незримого. Значит, перенесённая боль назавтра станет стихами.

Так устанавливается связь между мíрами: внешним и внутренним.

*Пока ты очереди ждёшь в прихожей Рая,
я голос рву, оставшись на задворках дня.
Гляди, соседская собака помирает
и вся её четвероногая родня.
Ты очереди ждёшь, а здесь трава пропела,
калитка проскрипела в пять гвоздей.
Петляет, вьётся снег пречисто-белый
у старых заколоченных дверей.
Ты словно на земле убила птицу,
израненность её вогнав в себя,
признав её келейное крыло — глазницу —
приверженность к глухим степям.
Пока ты в очереди где-то там с вокзала,
с последнего небесного витка
стоишь, как тень над миром, исчезая,
как оттиск выходного башмака...
Всегда жила по направлению неба,
по нарастающей рек больших.
Ты для меня, как для ростка прищипа,
как подмастерья верный итрих...*

В поэзии весьма драгоценно тонкое, зыбкое соотношение вещного, изобразительного начала, когда автор напрямую работает с запечатлением того, что он видит и слышит, и мате-

рии духовной, подчас невероятной — такой, которую невозможно проверить признаками вещности, материальности; в которую можно только поверить.

В стихах Людмилы Банцеровой то и дело всплывают культурные мотивы, ориентация на знакомую символику, на древность Земли, и это говорит нам о её несомненном «подключении» к общему культурному процессу, к течению духовной реки, к полёту стрелы Времени; пресловутое акмэ в её стихах легко и изящно соединяется с трудной и постоянной работой духа, с историческими аллюзиями, она не боится заглядывать не только в лицо навек ушедшей любви, но и в бездны времени.

Так личное и смертное сплетается с всеобщим и вечным.

*Все говорили про тебя, все говорили
на каждом перекрестье тамошних дорог.
В пастушьих снах тебя узрел Вергилий,
небесный твой стремительный шажок.
И пусть Господний потолок высокий,
намоленные окна птичьи на виду —
ты в них спасительно мелькаешь на востоке,
уподобляясь зимнему поблёкшему холсту...*

*Опять снега, и в них застыв родимой птицей,
украдкой кормишься молитвой и теплом,
касаешься израненной земли ключицей,
девичьим улыбающимся ртом...
Всё говорили про тебя, всё вспоминали,
последней хлебной крошкой-птахой обозвав.
Твоя душа теперь по линии горизонтали
живёт на выдохе и вдохе сладких трав... (...)*

Счастлив человек, живущий среди природы. Мать-сыра-земля — средоточие не только веры, облечённой в одежду традиционных религиозных обрядов (все ляжем в землю, всех отпоют...), но и момент оживления, оживания, воскрешения, воскресения.

Многие стихи Людмилы Банцеровой трагичны. Никто ещё не списал трагедию со счетов судьбы. В жизни каждого трагедия так или иначе присутствует — у иных для того, чтобы они сполна смогли понять: всё, что мы проживаем и переживаем, — всё благо, всё награда. Даже самое болезненное, непереносимое.

Людмила выходит на смелость поэтической символики — разговоры с Богом; наверное, нет на земле поэта, который не пытался бы достигнуть пространства такой беседы. Для автора такой диалог насущен, это важнейшая составляющая её поэтики.

*И Бог помогал им предвидеть прохладу,
дорожные хляби и стук молотка...
Биение сердца скользило по саду
в движенях беспомощного мотылька.*

*И Он утешал их в означенном лете —
привитесь пчелиной усмешкой с утра,
пока ещё горестный свет не заметен,*

незыблем в древесном изгибе ребра...

*И падали листья, и скорбную щёку
призывно, как семя, клевал воробей...
И Бог приносил эти яблоки к сроку —
притихших по миру великих скорбей.*

*И вновь возвращался к стремительным птицам,
к частицам сознания природы скупой,
к домам восковым — ледяным черепицам,
взмолившись страдальческой, детской рукой...*

*А был ли младенец в мерцающих ливнях,
где старые лодки его берегли?..
Хватило бы силы, замешанной глины,
каменьев прибрежных вдали...*

Поэт прекрасно чувствует связь всего со всем (такое мирозерцание заставляет вспомнить Ф. И. Тютчева: «*Всё во мне, и я во всём*»). Эти топологические связи бытия и личности, отдельно взятой эмоции и круговращения Космоса, плодоносного по осени, увядающего в предзимье или расцветающего по весне собственного сада и монументальных архетипов жизни-смерти, борьбы-победы, греха-прощения образуют из всей совокупности стихотворений автора некий жизненный сакральный круг, внутри которого обряд и повседневность, вера и сопротивление, неизбывная печаль и попытка чистой детской, праздничной радости сплетаются воедино.

У Людмилы деревья — живые, река — живая, и тьма крошечная — тоже живая...

*Не плачьте, деревья, ни в январе, ни в феврале,
с тоски не прячьтесь в снегопад злосчастный.
Вон за углом покажется платок атласный,
ребячья беготня, да стайка птиц навеселе.
Не плачьте, не скулите: ведь разлуки вовсе нет
в дверных проёмах брошенного дома,
в замёрзших, скрытых порах чернозёма.
Вот он, спасительный для вас животительный секрет!*

*Пока в стремленьях вместе с этой медленной рекой,
ни чувств её не знаете, ни утомительного горя.
Все помыслы её и мысли нарисует Гойя
испанским росчерком, мистической рукой.
Звучите, милые, в земной крошечной тьме
всей песнею, всем заголовком мирозданья.
Дышите, милые, заснеженной метельной тканью,
кидайтесь ветками, корнями почивайте на холме.*

Людмила Банцера посвящает книгу памяти сестры.

Сестринство — особый, очень русский архетип. Для художественной литературы, для живописи он наиболее привлекателен, ибо содержит внутри себя намёк и на всецелое изначальное родство (одна кровь), и на бытийный контраст (разные личности — разный темперамент — разные характеры — разные судьбы...), и на позднейший синтез, когда родство проявляется и утверждается на новом жизненном этапе — перед лицом неизбежной смерти, перед ликом самого Господа, наблюдающего наши пути по Земле.

А то, что пути Господни неисповедимы, мы об этом знали давно...

*Вот выйдет первый снег... к тоске,
тогда спасительно и порываю.
Бежит девчонка вдалеке...
никак её не угадаю.
Уходит в проклятуций снег,
следов не оставляя,
покинув сырый свой ночлег,
такая молодая.
Спешит среди подраненных деревьев —
никто её не остановит.
Лишь вьюга клянчит нараспев,
бросаясь в ноги...
Бежит девчонка, милая душа,
всё дальше от меня, всё дальше,
до смертного чужого этажа,
не обернулась даже... (...)*

Поэтика Людмилы Банцеровой — поэтика многих пространств.

И многих времён.

Для поэта Времени нет; парадоксально то, что тот поэт, который ярче и рельефнее многих других пишет картины Времени, изображения быта и бытия, однажды выходит на это с виду немислимое утверждение об отсутствии Времени как категории жизни и материала для живописания с натуры.

Однако интонация вечности в поэзии достигается именно тогда, когда поэт поднимается над рамками Времени и собственной жизни.

Людмила пишет себя и своё Время; пишет себя во Времени; прекрасно схватывает и изображает его узнаваемые приметы; однако лучшие, счастливейшие её стихи находятся по ту сторону поэтического холста, за зеркальной рамой, в образном Космосе, в том краю, где нет летосчисления, а есть наблюдение всего Мира со всех его сторон, как в обратной иконной перспективе. «Вне времени, вне гравитации и вне строки...»

*Ночную темноту люблю, пугливый перелесок —
я к ним одним стремлюсь — они у краешка земли.
Старинные, забытые дома, похожие на фрески,
мой провожают мерный ход, лампадок фитили.
Мне кажется, я знаю эту горестную местность,
мужчину, женщину в дожде, дорогу напрямки.
Вливаюсь в эту улицу, как в тихую безвестность —
вне времени, вне гравитации и вне строки.*

*Ко всем теням прислушиваюсь — к их взрывным минутам.
Ещё натерпимся, находимся с поводырём.
И смотрит сад на яблони свои и ветер ртутный...
К нам холода пришли, давай немедленно сойдём!
На миг сойдём, иль в темноту, не рассказав о главном:
о скорой гибели листвы и потайной травы.
Теперь не за горами, скоро снег придёт державный
от дерева до дерева — к гнездовьям восковым. (...)*

Эпитет «Божий», «Божья», «Божье» — не просто игра в «высокие слова». Этот эпитет источает аромат хлеба насущного, того самого, что «даждь нам днесь». У поэта свой хлеб — хлеб Духа. «Не хлебом единым жив человек», и это правда. Людмила Банцорова всеми своими стихами, всем их многоголосым хором показывает и доказывает: мир людей, земля людей есть в первую очередь Мирь Божий. И мы никуда не уйдём от этого мирознания и мирозерцания. Быть может, поэт на Земле существует, выполняя одну, но глобально важную задачу: соединить могучий в своём спокойствии Мирь и несчастных, мечущихся и страдающих насельников его, объединить белый свет и тех, кто его осознал, прочувствовал и возлюбил. Это путь к новому синтезу — Биоса (жизни), Мифоса (культуры), истории, религии, Пафоса (чувства) и поэтического Логоса.

*В холодном небе почерк воробья
скользит, и я ему почти что верю.
Сжимается пространство бытия.
Крестообразный снег летит за дверью.
Недолго будет так, лишь до весны,
до первого земного притяженья...
Как хочется привычной тишины,
да Божьего вселенского прощенья...
Но длится ночь, дыханье затаив.
Вот улица — ей фонари подвластны.
Вот человек — входящим снегом жив,
в миру живёт себе негромкогласно.
А между тем земная благодать —
полюнных, мёрзлых островков сраженья.
Я запишу в лучистую тетрадь:
ветвей длинноты, сердца отраженья...
Сожму в руке пространство бытия —
оно откликнется — звездой, снегами,
и зазвонит негромко полюнья,
как будто бездна вспыхнет под ногами.*

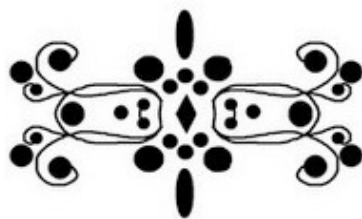
Природа, небо, земля. Конечный человек на земле. Бесконечный человек внутри тебя и внутри Бога. Людмила Банцорова движется в искусстве к созданию собственного стихотворного богословия, рифмованного богостроительства, не отходя от дороги любви к ближнему, от воспоминаний о самом дорогом и самых дорогих, от поэзии, похожей на молитву, напрямую приближающейся к ней.

И на ветру застыть, калитки не открыть,

*пугливых птиц печальным словом вспомнить,
случайно ветку не сломать — земную нить
и не нарушить пустоты умерших комнат.
Остаться тишиной, дымком кирпичных труб,
не заболеть зимовьем или спячкой,
не отыскать в подворьях дедовский тулуп,
не задержаться у воды притихшей прачкой.*

*Побывать окрестностью сейчас, а не потом,
не узнавая опустевших улиц,
принять неспешность марта птичьим ртом,
стоять, не отрываясь, в карауле.
И так забыться, утонуть в мензурке снов,
познать на вкус сосулек карамели.
И не весна пока, а горстка облаков,
проталины души моей — да неужели?.. (...)*

Елена КРЮКОВА,
*поэт, прозаик, искусствовед,
член Союза писателей России,
г. Нижний Новгород*

ПАМЯТИ СЕСТРЫ ЕЛЕНА

1

Сестра, ты помнишь лето, тёплый вечер,
когда склонялись тихо травы над тобой.
И косы падали тебе на плечи,
и на лугу стелился мягко зверобой...

Большие деревья за нас сражались,
за дальнею рекой гуляла молодёжь...
Сестра, ты помнишь — дни легко бежали,
и было радостно, и было невтерпёж...

Степные виделись горизонталы,
и перекрёстки частые на большаке...
Сестра, а помнишь, как стихи читали?
В заутреннюю тишь сбегали по реке.

Сестра, — ты не забыла наше лето?
Сиреневые тени ветхих тополей,
где поднимались птицы над рассветом.
И ты — одна, на сотню февралей...

2

Вот выйдет первый снег... к тоске,
тогда спасительно и порыдаю.
Бежит девчонка вдалеке...
никак её не угадаю.

Уходит в проклятуший снег,
следов не оставляя,
покинув сирий свой ночлег,
такая молодая.

Спешит среди подраненных деревьев —
никто её не остановит.
Лишь вьюга клянчит нарастив,
бросаясь в ноги...

Бежит девчонка, милая душа,
всё дальше от меня, всё дальше,
до смертного чужого этажа,
не обернулась даже...

Пронзает снег её пульсирующий стан,
прощальных птиц её не выверяя.
Один лишь миг — и улица пуста —
глядит бездушными дверями...

Вот и ушла в господню даль,
меня на целый век покинув.
...Ноябрь бойко нажимает на педаль,
на плечи небо опрокинув...

3

Пока ты очереди ждёшь в прихожей Рая,
я голос рву, оставшись на задворках дня.
Гляди, соседская собака помирает
и вся её четвероногая родня.

Ты очереди ждёшь, а здесь трава пропела,
калитка проскрипела в пять гвоздей.
Петляет, вьётся снег пречисто-белый
у старых заколоченных дверей.

Ты словно на земле убила птицу,
израненность её вогнав в себя,
признав её келейное крыло — глазницу —
приверженность к глухим степям.

Пока ты в очереди где-то там с вокзала,
с последнего небесного витка
стоишь, как тень над миром, исчезая,
как оттиск выходного башмака...

Всегда жила по направлению неба,
по нарастанью рек больших.
Ты для меня, как для ростка прищипа,
как подмастерья верный штрих...

4

Привыкаю жить без тебя,
словно камень без любви и ласки...
Летят, торопятся смертные салазки:
кому сердца остановку
да злую издёвку,
а кому жизнь под диктовку...

Обложили лисами да волками,
да непутёвыми дураками
все селенья да пригороды.
Я — стою на обездвиженной земле.

Ты между двумя облаками,
как между двумя адресами,
улыбаешься,
с жизнью новейшей свыкаешься.
Говоришь, что всё хорошо...

У тебя небо пахнет нежностью,
у меня — ледяной заснеженностью,
так и бродит по мне, так и кусает...
Нахлобучивая шапки да капюшоны,
по зимнему снегу, как эмбрионы,
плывём, не чуя ни ног, ни рук,
не слыша вертялых синиц перестук...

Привыкаю сегодня быть...
Читаю псалтирь по кафизме,
каждый день пребывая в трагизме.
Пытаюсь мыслями небо прикрыть,
открещиваясь от тошнотворных панихид.
Но летят, торопятся смертные салазки,
прямо Господу в глазки...

5

Давай поговорим с тобой, сестра,
глянь, от тебя лишь божьи оттиски остались —
сторожевыми птицами в меня врезались.
Мертвецки пьяный дождь гудел с утра...

Поговорим, пока сердечная тоска остра,
пока не выпал снег до кровоизлиянья,
да только примешь ли мои рыдания
испелённого, немого ноября?..

Ну где-же ты? Вослед за птахами ушла,
темнеющих ветвей пересечения не тронув,
оставив свой наказ слепому почтальону,
взяла и вскоре умерла...

Давай поговорим! Слетелись к полю небеса,
последний вздох твой не нарушив,
и затаённость чахлых деревушек —
последней жизни полчаса...

Как свет звезды на чердаках...
В твоих руках неугомонная синица билась.
Ты словно к неземной реке спустилась.
Ты не уехала на ранних поездах...

Ты не уехала — всем ноябрём застыла,
попутчица ветров и холодов,
вот вспоминаю твой подстриженный затылок,
маячивший светло мне посреди дворов...

6

Вот так всё, наверно, и было:
заснеженный, мёртвый рисунок,
холодные острые тени
скользящих понурых ветвей.

Зачем мне — скажите на милость —
зловещий подсунули сумрак?..
А с ним и тоска появилась,
насквозь изрубив снегирей.

Ведь только недавно казалось,
что радостью было вечерье:
снегами ко мне прикасалось,
последней своей мерзлотой...

Вот так всё, наверно, и будет:
галдящие злые метели,
в окошках застывшие лица —
так хочется их пожалеть.

В раю — ни зимы, ни метели,
темнеет крыльцо островёнком,
и чьё-то окно нараспашку —
сурово глядит на меня...

И пальцы слегка холодели —
так время безбожно вонзалось
соседской малой собачонкой,
фальцетом протяжно звеня...

И всё многомерным казалось:
затихших гнездовий пороги —
там птицы предсердием жили,
во мне оставляя ожоги,
лишь стоило им умереть...

7

Зима. Большая в небе птица видится,
наверное, к большой дороге...
Ищу тебя и обиваю тихие пороги.
Теперь с тобой не скоро свидимся.

И дом наш замолчал намеренно
среди снегов и звёздной ретуши,
мы тонкие верёвочки небесной ветоши:
натягивай на вдох без суеверия.

А дом наш присмирел, глядит на дерево,
тоскует по тебе всей тишиною вышней,
да так, что говорок синиц не слышен.
Такая вот привиделась мистерия...

Зимой большая птица днями говорлива,
она к тебе на небеса примчаться сможет,
вспорхнув из всех земных/небесных ножен,
рискнув к ногам прижаться сиротливо...

Ищу тебя во тьме всей улицы простоволосой.
Дома-населенники — всем телом на износ, бледнеют,
и я, в который раз мучительно вдовею,
и кланяюсь снегам — молитвенным стрекозам.

Ищу... Из глотки словно вырвав птицу —
честнее крика моего. В небесной лодке
плывёшь легко, и путь твой по щепотке,
цепляя чахлое окно моё и черепицу...

8

Все говорили про тебя, все говорили
на каждом перекрестье тамошних дорог.
В пастушьих снах тебя узрел Вергилий,
небесный твой стремительный шажок.

И пусть Господний потолок высокий,
намоленные окна птичьи на виду —
ты в них спасительно мелькаешь на востоке,
уподобляясь зимнему поблёкшему холсту...

Опять снега, и в них застыв родимой птицей,
украдкой кормишься молитвой и теплом,
касаешься израненной земли ключицей,
девичьим улыбающимся ртом...

Всё говорили про тебя, всё вспоминали,
последней хлебной крошкой-птахой обозвав.
Твоя душа теперь по линии горизонта
живёт на выдохе и вдохе сладких трав...

И сельские истёртые оглядывали дали
по знакам Божьим, по крошечным дням...
И поминали, и светло прощались,
от птицы к птице умершей переходя...

9

Когда опавшим летним днём мечта случится,
не достучишься в окна, не откроешь дверь.
И тень ползёт со стен, как будто страшный зверь,
блуждая, упадёт на лавки и на лица...

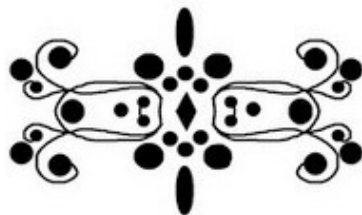
И потечёт по рекам тихая водица.
Вон птица поднялась — пусть будет ей легко
на этом белом свете — не достать рукой;
и мне уже в неё нельзя переродиться...

Но нет такой границы, нет таких окраин —
есть только чёрный гравий и лоскут земли,
куда спешат помазанники-журавли,
где голос странников блаженных не отравлен...

Трава шумит: меня перерастёт когда-то,
забьётся в темени подслеповатых дней.
Гудит пчела. Сады становятся родней,
ровней — там где-то бродят Беатриче с Данте...

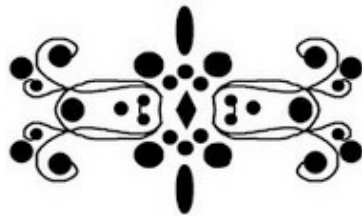
Не до вагантов и дощатых стен подворья.
На небе грозное замыканье дня.
Там, за столом небесным, вся моя родня,
и свет непостижим из окон в мире горнем...

А я, как будто корни, всё начну сначала —
игрушкой, колыбелью, восточкой с небес,
разбитой чашкой, нежностью чужих невест —
чтоб в подворотне птицей снова прозвучала...

«Вот будет тоска повсюду ...»

Вот будет тоска повсюду —
Содом и Гоморра смертельные.
Возьми-ка, помой посуду,
пока позволяет тело.
Кто будет потом со мною,
кто крылышки мне поднимет,
кто вперится тишиною
в багровое темя — имя?..
Кто встанет на той обочине,
посмотрит едва ли вслед,
помянет стихи и прочее,
возьмёт поминальных конфет?..
Я думаю, ветер будет.
Я думаю, солнце будет.
Я думаю, травы будут,
и с Борхесом — слёзный Фет...

ДИПТИХ. ПАМЯТИ МАМЫ

1

Придёшь ко мне и встанешь у высокого порога,
потопчешься под снегопадом — так и не зайдёшь.
С десяток лет уже в святых подворьях Бога
не слышишь здешний шум дворов ни этот скрип галош.
Пожалуешь, когда метели звонницей вслепую
дробят дома, плетут свою худую нить.
Я фотографию твою по-прежнему целую.
Мне эту круговерть давно так хочется казнить.

Зиме ведь всё равно, что ты ушла под вечер,
под снежную лазурь, Господню благодать.
Светился образ Богоматери, чадили свечи,
кричала выюга в пустоту и уводила мать.
Уже не здесь, ты, словно мною неразгаданная тайна,
как первый загорающийся свет в окне зимой.
Мне б до весны дожить, до обезумевших проталин.
А мне б запомнить эти дни — твой костерок земной,

набросок твой, и голосок, теперь уже цветочный.
Так васильковые глаза святым причастием горят.
Я знаю, мама, ты не умерла — и это точно, —
сверкаешь в сумерках звездой, так люди говорят.
Стоишь и смотришься в меня, как в полость мира,
легко качаешься в ветвях — прощаешься навек.
Как нынче неуютно мне, как мертвенно и сиро,
когда за облака уходит горний человек.

Заплачет в реках полынья, пройдёт по первоцвету.
В тоске привычный ветер разукрасится вдали.
А ты взойдёшь, прольёшься надо мною лунным светом,
и по воде уйдёшь, как в лето корабли...

2

Зима безлюдная была. Январь. И мама умирала...
Как старый маятник часов, затихла в ночь под Рождество.
Не помню ничего, как будто заблудилась у вокзала:
ни улицу свою, ни сельский дом, ни двор.
Вот так чужие лица словно надвигались друг на друга,
за этим снегом шли, сожжённые тенями бытия.
Живая трепетала мысль и растворялась, как прислуга,
по гулким этажам, по коридорам сонного житья.

И мне казалось, из меня всю душу, сердце вынимали.
Я заглянула в тьму: там билась форточка в моём окне.
За что покинула?.. Так выгоняют со двора коней

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.